

УДК 343.8

DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(2).210-219

ВНЕСУДЕБНЫЕ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В СФЕРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕАГИРОВАНИЯ

А.М. Смирнов^{1, 2}, А.Л. Санташов³¹ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,

г. Москва, Российская Федерация

² Международный юридический институт, г. Москва, Российская Федерация³ Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

19 июня 2020 г.

Дата принятия в печать

5 апреля 2021 г.

Дата онлайн-размещения

30 апреля 2021 г.

Ключевые слова

Самозащита прав и свобод; уголовно-правовые отношения; профилактика преступности; обстоятельства, исключающие преступность деяния; необходимая оборона; крайняя необходимость; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление; самосуд; криминальный самосуд

Аннотация. В статье изложены концептуальные основы новой частной научной теории — внесудебные формы защиты прав и свобод личности в сфере уголовно-правовых отношений. Приводится понятие названных форм и их система, состоящая из правовых и неправовых форм данной защиты. Делается вывод о том, что характер государственного реагирования на реализацию правовых внесудебных форм защиты прав и свобод личности в сфере уголовно-правовых отношений необходимо совершенствовать для обеспечения большей справедливости в рассмотрении вопросов привлечения к уголовной ответственности за реализацию самозащиты правового статуса личности в сфере анализируемых отношений. Работа содержит ряд основных предложений по внесению изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях повышения эффективности данного реагирования. Неправовые формы самозащиты в сфере уголовно-правовых отношений, наоборот, нуждаются в профилактике. Приводится перечень факторов, детерминирующих распространённость в российском обществе этих форм, часть из которых в прошлом и в настоящий период развития российского государства и общества в силу определенных обстоятельств имеет «извинительный» характер. К таким факторам относятся как общемировые (распространённость различного рода дискриминационных практик, идей экстремизма и религиозного радикализма; эскалация насилия), так и внутригосударственные (историческая обусловленность государственного и общественного развития; особенности культурного развития российского общества; особенности реализации государственно-политической и административно-управленческой деятельности; недостатки уголовно-правового регулирования социальных процессов и осуществления правоприменительной деятельности; деструктивная практика социально-бытовых отношений; нравственно-психологическое состояние общества; информационно-пропагандистское влияние; дефекты воспитательно-педагогического воздействия и т.д.) факторы. Представлена система превентивных мер по искоренению в российской социальной практике неправовых форм исследуемой внесудебной защиты. В эту систему входят меры по развитию государственного реагирования на преступность, соответствующего социальным ожиданиям, обеспечению большей строгости уголовного закона, неотвратимости привлечения к уголовной ответственности, а также меры по нравственному оздоровлению российского общества и повышению уровня его правосознания и культуры. Предлагается ввести норму, предусматривающую привлечение к уголовной ответственности за присвоение полномочий суда, связанных с отправлением правосудия.

EXTRAJUDICIAL FORMS OF PROTECTING RIGHTS AND FREEDOMS OF A PERSON IN THE FIELD OF CRIMINAL LAW RELATIONS: CONCEPTUAL ASPECTS AND IMPROVEMENT OF STATE RESPONSE

Alexander M. Smirnov^{1, 2}, Andrey L. Santashov³¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, the Russian Federation² International Law Institute, Moscow, the Russian Federation³ The Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2020 June 19

Abstract. The article describes the conceptual basis for a new special research theory — extrajudicial forms of protecting rights and freedoms of a person in the field of criminal law relations. The authors introduce the concept of these forms and their

Accepted

2021 April 5

Available online

2021 April 30

Keywords

Self-defense of rights and freedoms; criminal law relations; crime prevention; circumstances precluding the criminal nature of an act; necessary defense; extreme need; causing harm during the detention of the person who committed a crime; vigilantism; criminal vigilantism

system consisting of legal and non-legal forms of such protection. It is concluded that the reaction of the state to the implementation of legal extrajudicial forms of protecting rights and freedoms of a person in the field of criminal law relations should be improved with the purpose of ensuring greater justice when making decisions on criminal prosecution for the self-defense of the legal status of a person in the analyzed sphere of relations. The authors offer a number of suggestions on changes and amendments to the Criminal Code of the Russian Federation that would improve the effectiveness of this reaction. On the other hand, non-legal forms of self-defense in the field of criminal law relations should be prevented. The authors present a list of factors determining the existence of these forms in the Russian society, some of which, due to certain circumstances both in the past and present period of the development of Russian state and society, have an «excusable» character. These factors include both global (the spread of various discrimination practices, ideas of extremism and religious radicalism; the escalation of violence) and national factors (historical predetermination of state and public development; features of cultural development of the Russian society; specifics of the implementation of state policy and public administration activities; drawbacks of criminal law regulation of social processes and law enforcement activities; destructive practices of social relations; moral and psychological state of the society; influence of propaganda; defective educational and pedagogical influences, etc.). The authors also present a system of preventive measures aimed at eradicating non-legal forms of the analyzed extrajudicial protection. This system includes measures of developing a state reaction to crimes that would correspond to social expectations, ensuring a greater strictness of criminal law, unavailability of prosecution, as well as measures of moral rehabilitation of the Russian society, raising the level of its legal conscience and culture. The authors suggest the introduction of a norm that establishes criminal liability for usurping the power of the court connected with the administration of justice.

Со времени присвоения себе права на принуждение (насилие) государство взяло на себя обязанность обеспечивать защиту своих граждан (подданных), а также иных лиц, находящихся на его территории, от любых противоправных посягательств, особенно общественно опасных. Эта обязанность находила свое отражение в основных государственных источниках права (грамотах, конституциях, биллях и т.д.). В современном мире важность реализации данной обязанности получила международное признание, что послужило поводом для ее закрепления в правоустанавливающих документах международного характера.

Признавая высокую значимость реализации данной обязанности, многонациональный народ Российской Федерации в своей Конституции указал, что защита прав и свобод человека и гражданина является основной обязанностью государства, реализация которой гарантируется системой правоохранительных органов и судом (ст. 1, 2 и ч. 1 ст. 45 Основного закона).

Практика показывает, что по ряду объективных причин государство не всегда способно оказать необходимую оперативную помощь любому лицу, находящемуся на его территории, в защите его правового статуса от противоправных посягательств. Эта проблема присуща не только России, но и любому другому государ-

ству независимо от уровня его развития, в связи с чем она имеет международный характер.

Именно поэтому трудно найти такое государство, которое бы в источниках своего национального права не закрепляло бы возможность для своих граждан (подданных) право на самостоятельную защиту своих прав, свобод, законных интересов от каких-либо нарушений.

Россия в этом вопросе не является исключением. Так, исходя из смысла ч. 2 ст. 45 Конституции России любому индивиду, находящемуся на ее территории, предоставлено право на осуществление защиты своего юридического статуса от различного рода противоправных посягательств всеми не запрещенными законодательством средствами и методами, в том числе самостоятельно. Из этого можно сделать вывод о том, что данная защита осуществляется во внесудебном порядке, поскольку реализация правосудия в Российской Федерации — прерогатива исключительно суда (ч. 1 ст. 118 Основного закона).

Необходимо отметить, что в нашей стране данное право не безгранично и в тех сферах общественных отношений, в которых допустима его реализация. Она имеет субсидиарный характер, т.е. ограничена с учетом особенностей реализации этих отношений. Так, в сфере уголовно-правовых отношений, которые пред-

ставляют интерес для нашего научного исследования, право на самозащиту предоставлено в рамках необходимой обороны (ст. 37 УК РФ), причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ), и крайней необходимости (ст. 39 УК РФ).

На subsidiarность реализации рассматриваемого права в рамках данных отношений указывает то, что эти положения российского уголовного закона имеют регулятивный характер и в них изложены условия правомерности (легитимности) осуществления регламентированных в них деяний, нарушение которых ставит вопрос об их противоправности (преступности) и привлечении лица, допустившего подобное нарушение, к юридической (уголовной) ответственности.

Помимо этого, некоторые лица единолично или в составе группы предпринимают попытки самостоятельной защиты (т.е. во внесудебном порядке) своего правового статуса, а также данного статуса иных лиц, нарушенного противоправными посягательствами, вне границ правового поля, учиняя тем самым самосудные расправы над причинителем (причинителями) вреда. Достаточно часто эти расправы осуществляются посредством общественно опасных деяний, что позволяет говорить об их реализации в сфере уголовно-правовых отношений. Несмотря на то что самосуд над обидчиком был характерен для догосударственного периода развития общества, эпохи древнего мира и довольно длительного периода развития государства, пока в нем не получила достаточно высокого уровня развития система правоохранительных органов, а публичное право еще не обладало той степенью признательности и силы, как в настоящее время, он имеет определенную распространенность и сейчас. Это обусловлено сильной ролью обычаев в российском обществе при разрешении социальных противоречий, а также имеющим место комплексом отрицательных обстоятельств, проявляющихся иногда в системе отправления правосудия (затяжной и обременительный характер реализации, несогласие обычных граждан со справедливостью принимаемых решений, наличие возможностей освобождения причинителя вреда от ответственности, возмещения причиненного вреда и т.д.). Например, итоги социологических исследований, проведенных некоторыми из отечественных ученых-криминологов, показали, что треть российских граждан потенциально готова учинить самосуд над

преступником [1]. В телевизионной программе одного из федеральных каналов, посвященной проблеме самосуда в России, было указано, что, согласно результатам журналистского расследования, 75 % жителей России потенциально готовы учинить самосуд над причинителями вреда¹. По данным нашего исследования (здесь и далее приведены его результаты, подробно и иллюстративно изложенные в [2]), 67 % опрошенных респондентов ($n = 356$ чел.) не исключают вероятности самочинно расправиться с обидчиком, причем сделать это любыми способами (в том числе и преступным способом, если возникнет такая необходимость).

Все перечисленные обстоятельства в комплексе представляют собой систему внесудебных форм защиты прав и свобод личности в сфере уголовно-правовых отношений, которая включает в себя совокупность деяний, объединенных диалектико-интегративными взаимосвязями, направленных на самостоятельную защиту личностью своих прав и свобод, а также прав и свобод иных лиц, реализуемых без обращения в правоохранительные органы или суд и совершаемых с помощью общественно опасных действий или бездействия.

Данная система состоит из двух групп: правовые формы, или исключаяющие преступность деяния; неправовые формы, т.е. не исключаяющие преступность деяния. К первой группе мы относим такие обстоятельства, как необходимая оборона (ст. 37 УК РФ), причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ), и крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ). Во вторую группу включены: превышение нормативных пределов внесудебных форм защиты прав и свобод личности, исключаяющих преступность деяния (ст. 108 и 114 УК РФ); криминальный самосуд над причинителем вреда; самостоятельная защита личностью своих прав и свобод от нарушений посредством совершения преступных деяний, не связанных с причинением вреда субъекту этих нарушений (например, лицо совершает кражу из продуктового магазина, поскольку у него нет средств для приобретения продуктов питания в силу низкой заработной платы или ее длительной невыплаты работодателем; родители дают взятку сотруднику военкомата, чтобы уберечь своего сына от службы в армии, будучи уверенными в

¹ Дискуссия в российском обществе: как остановить самосуд и не бросить тех, кто ждет справедливости. URL: <http://www.1tv.ru/news/social/216619>.

том, что в процессе ее прохождения он получит вред здоровью или лишится жизни, и т.д.).

Проведенное нами обобщение правоприменительной практики, касающейся привлечения к уголовной ответственности лиц, осуществивших самостоятельную защиту своего правового статуса и правового статуса иных лиц в сфере уголовно-правовых отношений с помощью правовых внесудебных форм, позволяет говорить о том, что, несмотря на внесение определенных новелл в ст. 37 УК РФ, а также принятие в 2012 г. Верховным Судом Российской Федерации постановления, касающегося практической реализации положений российского уголовного закона о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, данная практика продолжает оставаться небезупречной и нуждается в совершенствовании, поскольку в ней имеют быть ошибочные мнения судов, благодаря которым защищаемые лица несправедливо признаются преступниками.

Проведенное нами исследование правоприменительной практики и содержания научных трудов, посвященных проблемам реализации правовых внесудебных форм защиты прав и свобод личности в сфере уголовно-правовых отношений, позволило прийти к выводу, что уголовное законодательство в отношении субъектов реализации данных форм применяется расширенно или резервно [3–5]. Как следствие, это способствует доминированию «обвинительного уклона» и презумпции виновности при привлечении к уголовной ответственности и вынесении решений на первоначальных стадиях судебных разбирательств. При этом вынесенные судебные решения удается опротестовать на стадиях пересмотра дела только при удачном стечении обстоятельств [6].

Именно поэтому анализ судебной практики, касающейся оснований освобождения от уголовной ответственности, указывает на то, что количество фактов признания действий лиц, использовавших правовые внесудебные формы защиты своих прав и свобод, превышением законодательно установленных правовых границ реализации необходимой обороны, крайней необходимости и причинения вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании существенно превышает число фактов признания правомерности осуществления данных форм рассматриваемой защиты. Так, согласно проведенному нами выборочному анализу пригово-

ров, вынесенных судами первой инстанции, в 43 % из них суд не признал наличие в действиях подсудимого состояния необходимой обороны, которое было доказано судом вышестоящей инстанции. В большинстве изученных приговоров (87 %) состояние данной обороны было признано, однако установлено его превышение, что послужило принятию решения о привлечении защищаемого лица к уголовной ответственности. Также в большинстве приговоров (78 %) по делам о причинении неправомерного вреда совершившему преступное деяние лицу при его задержании суд пришел к выводу, что задерживаемое лицо превысило нормативные рамки реализации мер задержания. Практически в двух третях приговоров суд не усмотрел наличие правомерного состояния крайней необходимости вопреки тому, что доказательственная база свидетельствовала об обратном. Только в редких случаях (9 %) это состояние было установлено с признанием действий устраняющего опасность лица в рамках закона.

Изучение нами данной проблематики согласуется с исследованиями и иных авторов, которые приходят к аналогичным выводам, например о том, что суды не только первой, но иногда и надзорных инстанций не соглашались усматривать в рассматриваемом уголовном деле состояние крайней необходимости или же признают превышение нормативных пределов данной самозащиты права, что приобрело систематический характер [7].

К сожалению, многие служители правопорядка не стремятся «заводить» уголовные дела по (как они полагают) трудно доказуемым в силу их оценочности критериям рассматриваемых нами правовых внесудебных форм защиты прав и свобод личности в сфере уголовно-правовых отношений. Помимо этого, они опасаются быть привлеченными к уголовной ответственности по фактам прекращения уголовных дел по обстоятельствам, регламентированным гл. 8 УК РФ, что спровоцировано случаями инициирования привлечения к уголовной ответственности за укрывательство преступлений, практикуемыми прокуратурой [8].

Известно, что большинство преступных посягательств на личность совершается без свидетелей, т.е. в таких ситуациях, когда жертва и лицо, посягающее на нее, совершенно одни. Как следствие, во многих случаях это исключает наличие необходимой доказательственной базы для подтверждения случившегося. Данное обстоятельство очень выгодно для причинителей вреда, по-

сколькx бремя доказывания фактов преступного посягательства возложено на сторону обвинения и любые неясности в виновности обвиняемого рассматриваются в его пользу (ст. 14 УПК РФ).

Анализ законодательной регламентации и правоприменительной практики, касающейся рассмотрения уголовных дел о правовых внесудебных формах защиты прав и свобод личности, со всей очевидностью позволяет сделать вывод о том, что нормотворца в значительно большей степени беспокоит состояние правовой защищенности лиц, совершающих общественно опасные посягательства, преступные деяния или деяния, создающие опасность причинения существенного вреда охраняемым социальным благам, чем лиц, предпринимающих попытки защиты от таких посягательств, задержания лица, совершившего преступление, или устранения грозящей опасности. На это указывает явное привилегированное положение (с точки зрения российского уголовного закона) первых из указанных лиц. В качестве аргументов можно привести следующие обстоятельства. Вторые из указанных лиц, т.е. законопослушные граждане, в сложившейся непростой для них обстановке должны в первую очередь оперативно оценить характер и степень опасности осуществляемых против них противоправных посягательств или же угрозу возникающей опасности. Во вторую очередь нужно принять единственно правильное решение о совершении исключительно таких действий, вредоносность которых явно не будет превышать вредоносность действий посягателя или характер возникающей угрозы, что совершенно невозможно осуществить в ситуации неожиданно возникших экстремальных условий (особенно это невозможно сделать для эмоционально-впечатлительных индивидов). И наконец, именно на этих лиц в дальнейшем возлагается сложное бремя доказывания правомерности совершенных ими действий. Вместе с тем посягающее, создающее опасность или совершившее преступное деяние лицо, во-первых, заблаговременно готовится к осуществлению своих противоправных действий или обдуманно их совершает; во-вторых, для него исключается обязанность оценивать их характер и степень общественной опасности; в-третьих, УК РФ защищает таких лиц от причинения им чрезмерного вреда со стороны защищающегося, задерживающего или устраняющего опасность лица. Кроме того, жизнь причинителя вреда охраняется на конституционном уровне,

поскольку Основной закон России каждому гарантирует право на жизнь независимо от каких-либо обстоятельств (ч. 1 ст. 20). Это создает юридический парадокс, когда лицо, лишившее жизни причинителя вреда, безусловно, нарушает Конституцию России.

Изложенное способствует формированию негативного отношения общества к правоохранительным органам, суду и государству в целом, поскольку публичная власть и ее правоохранительные институты в ситуациях самостоятельной защиты личностью своего правового статуса чаще всего «встают на сторону» правонарушителя. Это является серьезной уголовно-правовой и в чем-то внутриполитической проблемой, требующей поиска оптимальных предложений по совершенствованию государственного реагирования на реализацию самозащиты права в сфере уголовно-правовых отношений, обеспечения большей справедливости подобного реагирования.

Реализация неправовых форм защиты прав и свобод личности в сфере уголовно-правовых отношений, осуществляемых во внесудебном порядке, особенно учинение криминальных самосудов над обидчиком, представляет для современной России достаточно опасную социально-криминологическую проблему. Дело в том, что реализация подобных саморасправ обеспечивает сохранение в социуме примитивных способов разрешения возникающих конфликтных ситуаций, нивелирует в глазах общества авторитет правоохранительной системы и суда как официальных субъектов осуществления правоохранительной деятельности, непосредственным образом обуславливает сохранение криминальной активности населения на достаточно высоком уровне (в первую очередь преступных посягательств на личность). Именно поэтому данные формы нуждаются в профилактике и искоренении из социальной практики [9].

Наше исследование показало, что вопреки ощутимости негативных последствий неправовые формы защиты прав и свобод личности в сфере уголовно-правовых отношений содержат достаточно обширный спектр факторов. Часть из этих факторов имеет «извинительный» характер, в связи с чем реализация данных форм при защите от действий причинителя вреда оправдывается с точки зрения не только обычных граждан, но и иных слоев населения, в том числе власть имущих.

Эти факторы разделены нами на два больших блока: общемировые и внутригосударственные.

Общемировые факторы выражаются в эскалации социального насилия, развитии и укреплении в общественном сознании националистических настроений, всевозможных дискриминационных практик, экстремистских идей и религиозного радикализма [10; 11].

В систему внутригосударственных факторов включаются:

1. Историческая фатальность — исторически сложившаяся, ставшая практически традиционной предрасположенность русского человека разрешать конфликтные ситуации или возникающие проблемы самостоятельно, единолично, на свое усмотрение [12]. Динамика распространения таких ситуаций значительно увеличивается в периоды смены политического режима или государственного устройства, осуществления непрофессиональных глобальных и продолжительных реформ, озлобляющих общество или нарушающих выработанную систему обеспечения социальной безопасности.

2. Особенности культурного развития общества: преобладание веры в «абсолютную» правду и справедливость, которые в некоторых случаях ставятся выше правовых предписаний, распространенность правового нигилизма, в том числе среди представителей власти [13], низкий уровень правосознания и правовой культуры, этнокультурные и субкультурные обычаи и традиции (например, обычай кровной мести), распространенность в российском обществе криминальной субкультуры [14; 15].

3. Мировоззренческая парадигма: присутствие в мировоззрении русского человека идей национализма и экстремизма, ксенофобных настроений, продуцируемых средствами массовой информации.

4. Государственно-политическая деятельность: развитие демаркационных процессов, приводящих в определенных случаях к идеологическому отдалению обычных граждан от власти, коррумпированность и коррупционные настроения власти, ее определенная безответственность в направлении исполнения озвученных обещаний и обязательств, криминальная зараженность некоторых представителей власти даже довольно высокого уровня, недостаточно эффективная уголовная политика, ориентированная на чрезмерный гуманизм по отношению к преступникам, что способствует созданию неадекватной криминологической ситуации в стране, противоречащей социальным ожиданиям [16; 17].

5. Административно-управленческая деятельность: проявление госслужащими халатности и волокиты при выполнении ими своих профессиональных обязанностей по решению социальных проблем.

6. Нормативно-правовое обеспечение: гуманизм, в некоторых случаях чрезмерный, российского уголовного закона, который проявляется в не соответствующих наступившим последствиям уголовно-правовых санкциях, диссонанс в размере санкций за равные преступные последствия, широкие нормативные рамки санкционного реагирования на преступные деяния, дающие простор для судебного усмотрения [18], достаточно большой перечень возможностей освобождения от государственного реагирования на совершенные преступные деяния или значительной минимизации отрицательных проявлений этого реагирования.

7. Правоприменительная деятельность: достаточно низкий авторитет правоохранительных органов и суда среди населения как эффективных механизмов обеспечения безопасности личности, неоперативное реагирование правоохранителей на информацию от граждан о совершаемых или совершенных преступных деяниях, а впоследствии отказ в возбуждении уголовного дела, невысокие показатели раскрываемости совершенных преступных деяний, коррумпированность правоохранительных органов, обременительные и затяжные процедуры проводимых судебно-следственных действий, отсутствие полной суверенности судебной власти, селективный характер правосудия, неимение эффективной системы обеспечения защищенности свидетелей и потерпевших.

8. Негативные модели социально-бытовых отношений, основанные на применении насильственных механизмов разрешения возникающих межличностных конфликтов.

9. Информационно-пропагандистское влияние: пропаганда средствами массмедиа криминального образа жизни и криминальной романтики, насильственных способов улаживания конфликтных ситуаций [19], романтизация самосудных расправ.

10. Дефекты педагогического воздействия: усугубляющийся кризис института семьи, распространенность безнадзорности несовершеннолетних.

Таким образом, реализация внесудебных форм защиты прав и свобод личности в сфере уголовно-правовых отношений является достаточно серьезной социальной и государственной проблемой, не теряющей своей актуальности и

в силу этого требующей продолжения научного осмысления и выработки дальнейших научно обоснованных предложений и рекомендаций по ее оптимальному решению.

Как уже было указано, государственное реагирование на правовые внесудебные формы защиты прав и свобод личности в сфере рассматриваемых отношений нуждается в совершенствовании, которое в первую очередь целесообразно осуществлять в правовом и правоприменительном направлениях.

В рамках реализации правового направления наше исследование показало, что ст. 37–39 УК РФ для обеспечения большей справедливости их практического применения нуждаются в целом комплексе изменений и дополнений, особенно с учетом того обстоятельства, что ст. 38 и 39 со времени принятия российского уголовного закона ни разу не подвергались нормативным модификациям. В настоящей работе в силу ограниченности ее объемов мы изложим только наиболее важные, на наш взгляд, новеллы в указанные нормы, основанные на результатах проведенного исследования.

Так, в ст. 37 УК РФ целесообразно внести следующие наиболее важные изменения и дополнения:

1. Назвать данную статью «Необходимая защита», поскольку речь в ней идет именно о самозащите права. Оборона — это военный термин, предполагающий боевые действия, ничего общего с самозащитой права не имеющих. Помимо этого, «оборона» более широкое понятие, чем «защита», предполагающее проведение подготовительных действий и переход в контрнаступление, что является превышением правовых пределов защитных действий, указанных в данной статье. Кроме того, в Конституции России речь идет о защите прав и свобод, но никак не об их обороне.

2. Заменить «посягательство» на «деяние» в связи с тем, что в сфере уголовно-правовых отношений допустима самозащита от любого деяния (как действия, так и бездействия), тогда как посягательство предполагает только активное действие.

3. Словосочетание «насилие, опасное» заменить на «опасность», поскольку указание на насилие существенно ограничивает правомерность применения самозащитных действий от, например, произведения выстрела из огнестрельного оружия или удара ножом, при совершении которых насилия не происходит.

4. В ч. 1 данной статьи внести уточнение, что совершаемые защитные действия правомерны, когда отсутствовали иные возможности для предотвращения этого деяния. Вместе с тем в ч. 2 включить уточнение, предполагающее привлечение к уголовной ответственности не только при совершении самозащитных действий, явно превосходящих характер и степень общественной опасности совершаемого деяния, но и при наличии иных возможностей для его предотвращения.

5. В ч. 2.1 внести указание на состояние аффекта, вызванного совершаемым деянием.

6. В ч. 3 внести указание на то, что положения настоящей статьи распространяются и на лицо, от общественно опасного деяния которого происходит необходимая защита в случае превышения ее пределов.

7. Дополнить данную статью частью, указывающей на то, что ее положения не распространяются на лицо, спровоцировавшее состояние необходимой защиты в целях причинения вреда правам и свободам человека и гражданина, охраняемым законом интересам общества или государства.

В ст. 38 УК РФ целесообразно внести следующие наиболее важные изменения и дополнения:

1. В названии статьи и в ее частях словосочетание «лицо, совершившее преступление» заменить на «лицо, совершившее или совершающее общественно опасное деяние».

2. Добавить такую цель задержания, как передача, поскольку, согласно действующей редакции рассматриваемой статьи, не являются правомерными действия, направленные на удержание данного лица для его передачи, например, посредством связывания, запираания в помещении и т.д. Помимо этого, лицо, осуществившее задержание, не всегда может доставить задержанное лицо органам власти.

3. Заменить словосочетание «иным способом» на «иными средствами», поскольку это является более юридически грамотным и характеризует суть задержания как способ, а не как средство, так как средство — это то, с помощью чего совершается то или иное деяние, а способ предполагает использование приемов или совокупности действий, направленных на достижение поставленной цели.

4. По аналогии с ч. 3 ст. 37 УК РФ включить часть, предусматривающую распространение положений данной статьи на всех лиц независимо от каких-либо обстоятельств.

В ст. 39 УК РФ целесообразно внести следующие наиболее важные изменения и дополнения:

1. Из ч. 2 устранить указание на причинение вреда, равного предотвращенному, поскольку это указание создает абсурдную ситуацию, итог которой — привлечение лица к уголовной ответственности за спасение от грозящей опасности одного из двух одинаковых социальных благ. Соответственно, в этой ситуации лицу вообще не следует предпринимать каких-либо действий, поскольку в любом случае будет признано превышение легитимности крайней необходимости. Однако в таком случае пострададут оба блага, хотя могло бы быть спасено одно из них. Помимо этого, бездействие лица в подобной ситуации повлечет привлечение его к уголовной ответственности по ст. 125 УК РФ.

2. По аналогии с ч. 3 ст. 37 УК РФ включить часть, предусматривающую распространение положений данной статьи на всех лиц независимо от каких-либо обстоятельств.

3. Включить часть, исключающую освобождение от уголовной ответственности в случае провокации состояния крайней необходимости для причинения вреда социально полезным благам.

В рамках реализации правоприменительного направления необходим всесторонний учет судами всех юридически значимых обстоятельств осуществления самозащиты в границах правовых внесудебных форм защиты прав и свобод личности в сфере рассматриваемых отношений с учетом каждого конкретного случая и окружающей обстановки, соответствия характеристик посягающего или задерживаемого лица и защищаемого или задерживаемого лица, психоэмоционального состояния задерживаемого, защищаемого или устраняющего опасность лица.

Помимо этого, все дела об осуществлении данной самозащиты целесообразно рассматривать только при участии суда присяжных, чтобы обеспечить большую справедливость принимаемых судом окончательных решений.

Профилактику неправовых внесудебных форм защиты прав и свобод личности в сфере уголовно-правовых отношений следует проводить на двух уровнях: общем и специальном (по направлениям реализации).

На общем уровне необходимо разрабатывать меры, направленные на нравственное оздоровление российского общества, создание реальных основ правового государства и гражданского общества, развитие демократических основ российского государства, реального на-

родовластия в стране, контроля общества над функционированием всех ветвей власти, реализацию эффективной уголовной политики.

Специальный уровень профилактики рассматриваемых форм неправового характера должен предполагать реализацию мер по следующим направлениям:

1. Нормативно-правовое, подразумевающее внесение новелл в УК РФ с учетом социальной и криминологической обоснованности, развитие правовых оснований назначения справедливого уголовного наказания, ужесточение государственного реагирования на деяния, повлекшие причинение вреда жизни и здоровью человека.

Здесь особого внимания заслуживает криминализация криминального самосуда, несмотря на наличие достаточного спектра «извинительных» причин его осуществления. Здесь мы предлагаем законодателю рассмотреть вопрос о включении в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия» статьи, предусматривающей привлечение к данной ответственности лица за присвоение полномочий суда, связанных с осуществлением правосудия.

2. Правоприменительное, включающее в себя обеспечение неотвратимости уголовно-правовых мер воздействия, возрождение практики применения смертной казни, повышение уровня и качества раскрытия и расследования преступных деяний [20], приоритетность прав потерпевших и свидетелей в рассмотрении уголовных дел, обеспечение полного возмещения любого вреда, причиненного совершенными преступлениями, повышение уровня доверия к служителям правопорядка со стороны граждан.

3. Административно-управленческое, представляющее собой активизацию и оптимизацию функционирования государственных органов и учреждений в направлении максимально оперативного решения социальных вопросов, имеющих важное значение для граждан, избавление от управленческих звеньев, искусственно образующих квазифункции государственных служб или дублирующих их, реагирование на коррупцию и бюрократизм госслужащих, лишенное предвзятости и избирательности [21], ужесточение ответственности государственных служащих за халатность в выполнении ими своих профессиональных обязанностей.

4. Воспитательно-педагогическое, заключающееся в проведении целенаправленной работы по формированию у граждан самоконтроля

эмоционально-чувственной сферы, предпочтительности правовых форм реагирования на причинителей вреда, в развитии стойкого негативного отношения к преступному и иному другому социально негативному образу жизни, в повышении уровня правовой культуры и правосознания, в вырабатывании у служителей правопорядка незыблемой верности интересам службы.

5. Информационно-пропагандистское, включающее меры по ограничению доступа (в отно-

шении несовершеннолетних — полного запрета) к телевизионным программам, продуктам масс-медиа и киноиндустрии, содержащим в себе элементы насилия, романтизирующим и социально оправдывающим преступное поведение и образ жизни, саморасправы над причинителями вреда, учиняемые общественно опасными способами, а также предполагающие широкую позитивную пропаганду СМИ правоохранительной службы и ее престижа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминология : учебник / под ред. А.И. Долговой — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : Инфра-М, 2019. — 1008 с.
2. Смирнов А.М. Внесудебные формы защиты прав и свобод личности: уголовно-правовое и криминологическое исследование / А.М. Смирнов. — Москва : Юрлитинформ, 2020. — 344 с.
3. Меркурьев В.В. Необходимая оборона: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.В. Меркурьев. — Рязань, 1998. — 254 с.
4. Тасаков С.В. Необходимая оборона в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния, по уголовному праву России / С.В. Тасаков // Вестник Чувашского университета. — 2005. — № 1. — С. 81–93.
5. Косарев А.В. Актуальные проблемы института необходимой обороны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Косарев. — Ростов-на-Дону, 2001. — 29 с.
6. Казакова В.А. Юридическая оценка обстоятельств, связанных с обоснованным риском и крайней необходимостью / В.А. Казакова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2018. — № 790. — С. 180–186.
7. Комиссаров А. Необходимая самооборона, или Когда преступник и жертва меняются местами / А. Комиссаров // ИПП «Гарант». — URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/komissarov/655817>.
8. Хаметдинова Г.Ф. Уголовно-правовая характеристика крайней необходимости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Г.Ф. Хаметдинова. — Тюмень, 2007. — 19 с.
9. Смирнов А.М. Самосуд: деяние или мотив преступления? / А.М. Смирнов // Актуальные вопросы образования и науки. — 2014. — № 5–6 (45–46). — С. 39–42.
10. Sherwood M. Lynching in Britain / M. Sherwood // History Today. — 1999. — Vol. 49, iss. 3. — P. 21–23.
11. Brundage W.F. At the Hands of Persons Unknown: the Lynching of Black America / W.F. Brundage // Journal of Southern History. — 2003. — Vol. 69, № 3. — P. 723–731.
12. Шатковская Т.В. Самосуд как проявление российского правового менталитета / Т.В. Шатковская // Пробелы в российском законодательстве. — 2012. — № 6. — С. 35–39.
13. Смирнов А.М. Феномен правового нигилизма в российском обществе и готовность граждан к внесудебным способам разрешения криминальных конфликтов / А.М. Смирнов // Пробелы в российском законодательстве. — 2014. — № 3. — С. 143–146.
14. Спасенников Б.А. Уголовно-исполнительная характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях России / Б.А. Спасенников, А.М. Смирнов, А.Н. Антипов // Вестник Пермского института ФСИН России. — 2014. — № 3 (14). — С. 41–45.
15. Toward a General Theory of Criminal Justice. Low Self-Control and Offender Noncompliance / M. Delisi, A. Hochstetler, G.E. Higgins [et al.] // Criminal Justice Review. — 2008. — Vol. 33, № 2. — P. 141–158.
16. Фисенко С.Б. Уголовная политика России: современное состояние и пути оптимизации / С.Б. Фисенко // Преступность, уголовная политика, закон : сб. тр. — Москва, 2016. — С. 231–234.
17. Boutellier H. The Convergence of Social Policy and Criminal Justice / H. Boutellier // European Journal on Criminal Policy and Research. — 2001. — Vol. 9, № 4. — P. 361–380.
18. Голик Ю.В. Преступность — планетарная проблема / Ю.В. Голик, А.И. Коробеев. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2006. — 213 с.
19. Гилянский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я.И. Гилянский. — 2-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. — 525 с.
20. Dzur A.W. Civic Implications of Restorative Justice Theory: Citizen Participation and Criminal Justice Policy / A.W. Dzur // Policy Sciences. — 2003. — Vol. 36, № 3–4. — P. 279–306.
21. Яни П.С. В борьбе с коррупцией эффективны только репрессии / П.С. Яни // Российская юстиция. — 2001. — № 7. — С. 42–45.

REFERENCES

1. Dolgova A.I. (ed.). *Kriminologiya* [Criminology]. 4th ed. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2019. 1008 p.
2. Smirnov A.M. *Vnesudebnye formy zashchity prav i svobod lichnosti: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie* [Extrajudicial Forms of Protection of the Rights and Freedoms of the Individual: Criminal Law and Criminological Research]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020. 344 p.

3. Merkuriev V.V. *Neobkhodimaya oborona: ugovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty*. Kand. Diss. [Necessary Defense: Criminal and Criminological Aspects. Cand. Diss.]. Ryazan, 1998. 254 p.
4. Tasakov S.V. Self-defense in the system of circumstances that exclude the criminal nature of an act in Russian criminal law. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of Chuvash State University*, 2005, no. 1, pp. 81–93. (In Russian).
5. Kosarev A.V. *Aktual'nye problemy instituta neobkhodimoi oborony*. Avtoref. Kand. Diss. [Actual Problems of the Institute of Necessary Defense. Cand. Diss. Thesis]. Rostov-on-Don, 2001. 29 p.
6. Kazakova V.A. Legal Evaluation of Circumstances Connected with Justifiable Risk and Extreme Necessity. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences*, 2018, no. 790, pp. 180–186. (In Russian).
7. Komissarov A. Necessary Self-Defense, or when the Offender and the Victim Change Places. *Garant*. Available at: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/komissarov/655817>. (In Russian).
8. Khametdinova G.F. *Ugovno-pravovaya kharakteristika krainei neobkhodimosti*. Avtoref. Kand. Diss. [Criminal Law Characteristics of Extreme Necessity. Cand. Diss. Thesis]. Tyumen, 2007. 19 p.
9. Smirnov A.M. Mob Justice: an Act or a Crime Motive? *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki = Topical Issues of Education and Science*, 2014, no. 5–6 (45–46), pp. 39–42. (In Russian).
10. Sherwood M. Lynching in Britain. *History Today*, 1999, vol. 49, iss. 3, pp. 21–23.
11. Brundage W.F. At the Hands of Persons Unknown: the Lynching of Black America. *Journal of Southern History*, 2003, vol. 69, no. 3, pp. 723–731.
12. Shatkovskaya T.V. Lynch Law as the Manifestation of the Russian Law Mentality. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2012, no. 6, pp. 35–39. (In Russian).
13. Smirnov A.M. Phenomenon Legal Nihilism in Russian Society and Citizens' Readiness to Extra Method of Resolving Criminal Conflict. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2014, no. 3, pp. 143–146. (In Russian).
14. Spasennikov B.A., Smirnov A.M., Antipov A.N. Penal Characteristic of Male Convicts Serving Sentences in Correctional Colonies of Russia. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii = Vestnik of Perm Institute of the Federal Penal Service*, 2014, no. 3 (14), pp. 41–45. (In Russian).
15. Delisi M., Hochstetler A., Higgins G.E., Beaver K.M., Graeve C.M. Toward a General Theory of Criminal Justice. Low Self-Control and Offender Noncompliance. *Criminal Justice Review*, 2008, vol. 33, no. 2, pp. 141–158.
16. Fisenko S.B. Criminal Policy in Russia: Current State and Ways of Optimization. *Prestupnost', ugovnaya politika, zakon* [Crime, Criminal Policy, Law]. Moscow, 2016, pp. 231–234. (In Russian).
17. Boutellier H. The Convergence of Social Policy and Criminal Justice. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 2001, vol. 9, no. 4, pp. 361–380.
18. Golik Yu.V., Korobeev A.I. *Prestupnost' — planetarnaya problema* [Crime is a Planetary Problem]. Saint Petersburg, Juridicheskii Tsentr Press Publ., 2006. 213 p.
19. Gilinsky Ya. *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistv i drugih «otklonenii»* [Deviantology: Sociology of Crime, Narcotism, Prostitution, Suicide and other «Deviations»]. 2nd ed. Saint Petersburg, Juridicheskii Tsentr Press Publ., 2007. 525 p.
20. Dzur A.W. Civic Implications of Restorative Justice Theory: Citizen Participation and Criminal Justice Policy. *Policy Sciences*, 2003, vol. 36, no. 3–4, pp. 279–306.
21. Yani P.S. In the Fight against Corruption, only Repression is Effective. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2001, no. 7, pp. 42–45. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смирнов Александр Михайлович — главный научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: samnauka@mail.ru.

Санташов Андрей Леонидович — главный научный сотрудник (по социологическим исследованиям) научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: santashov@list.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Смирнов А.М. Внесудебные формы защиты прав и свобод личности в сфере уголовно-правовых отношений: концептуальные аспекты и совершенствование государственного реагирования / А.М. Смирнов, А.Л. Санташов. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(2).210-219 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 2. — С. 210–219.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Smirnov, Alexander M. — Chief Researcher, Research Center-2, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Professor, Chair of Criminal Law Disciplines, International Law Institute, Dr. Habil. in Law, Ass. Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: samnauka@mail.ru.

Santashov, Andrey L. — Chief Researcher (for Sociological Research), Research Department, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Ass. Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: santashov@list.ru.

FOR CITATION

Smirnov A.M., Santashov A.L. Extrajudicial forms of protecting rights and freedoms of a person in the field of criminal law relations: conceptual aspects and improvement of state response. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 2, pp. 210–219. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(2).210-219. (In Russian).